

The background is an abstract composition. The upper half features a white rectangular area containing the title text. Below this, the background is filled with various organic, cell-like shapes in shades of red, pink, and purple. In the lower portion, there are dark silhouettes of people, some standing and some in motion, set against a reddish-pink background.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА КИТАЕЦ

Литрес ≡

Автобиографическая проза

Марина Цветаева

Китаец

«Public Domain»

Цветаева М. И.

Китаец / М. И. Цветаева — «Public Domain»,
— (Автобиографическая проза)

«Вся моя проза – автобиографическая», – писала Цветаева. И еще: «Поэт в прозе – царь, наконец снявший пурпур, соблаговоливший (или вынужденный) предстать среди нас – человеком». Написанное М.Цветаевой в прозе отмечено печатью лирического переживания большого поэта.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Марина Цветаева

Китаец

Почему я так люблю иностранцев, всех без разбору, даже подозрительных арабов и заносчивых поляков, не говоря уже о родных по крови юго-славянах, по соседству и воспитанию – немцев, по нраву и громовому *p* – итальянцев, не будем перечислять, – всех, без разбору? Почему сердце и рот расширяются в улыбку, когда на рынке заслышу французскую речь с акцентом, верней, один акцент с привеском французской речи? Почему, если мне даже не нужно капусты, непременно, магнетически, гипнотически беру у “метека” кочан и даже, вернувшись, второй, только чтобы еще раз услышать его чудовищное для французских ушей “мерррси”, с топором рубнувшим “мадам”, а иногда и просто: “До свидания, приходи опять”. Почему, при худшей капусте, для меня метеков лоток непреложно – лучше? Почему рука сама, через лоток, жмет арабову, арапову и еще не знаю чью – лапу? Почему, когда на рынке ловкий “камло”, сыпля словами и жестянками, превозносит французскую сардинку и поносит португальскую, я, оскорбленная, отхожу? Ведь не меня же ругали – при чем тут русские? Но ругая португальскую сардинку, меня, мою душу задела, и это она увела меня из круга туземцев более властно, чем ангел-хранитель за руку, или ажан – тоже за руку, хотя иначе.

Потому ли (так люблю иностранцев), что нам всем, чужакам, в Париже плохо? Нет, не потому. Во-первых, мне в Париже не плохо (не хуже, чем в любом месте, которого я не выбирала), во-вторых, моему рыночному другу-армянину, который молодых зовет “*p’tite soeur*”¹, а пожилых “*p’tite mère*”², и даже самую нарядную даму не зовет “*Madame*”, в Париже явно хорошо. Значит, дело не в плохости жизни, и любовь моя не “*camaraderie de malheur*”³.

А потому что каждому из нас кто-то, любой, пусть пьяный, пусть пятилетний, может в любую минуту крикнуть “метек”, а мы этого ему крикнуть – не можем. Потому что, на какой бы точке карты, кроме как на любой – нашей родины, мы бы ни стояли, мы на этой точке – и будь она целыми прериями – непрочны: нога непрочна, земля непрочна... Потому что малейшая искра – и на нас гнев обрушится, гнев, который всегда в запасе у народа, законный гнев обиды с неизменно и вопиюще несправедливыми разрядами. Потому что каждый из нас, пусть смутяня, пусть волк, – здесь – неизменно ягненок из крыловской басни, заведомо – виноватый в мутности ручья. Потому что из лодочки, из которой, в бурю, непременно нужно кого-нибудь выкинуть, – непременно, неповинно и, в конце концов, законно, будем выкинуты – мы. Потому что все мы, от африканца до гиперборейца, *camarades ne de malheur*, а: *de danger*⁴. Потому что, если мы все под Богом, то на чужой земле еще и под людским гневом ходим. Гневом черни, одной – всегда, одним – всегда. Потому что стара вещь – вражда, и сильна вещь – вражда. Иностранца я люблю за то, что у него на всякий случай голова втянута в плечи, или – что то же и на тот же случай – слишком уж высоко занесена. Не “плохо живется”, а плохо может прийти. Мне скажут: “А у себя, в Москве?” Да, было дело, и не раз:

“Ишь, буржуйка, шляпу нацепила!” (Из глаз – ненавидящий *класс*.) – “А я зато в Москве родилась, а ты откуда взялся?” Ведь я, при всем моем превосходстве: стоянии *над* месторождением, отыгрывалась – им же! И этого довода “в Москве родилась”, этой почвы из-под ног у меня никто не вырвет, даже если я, как сейчас, от нее за тридевять земель и запретов. Убьют – не возьмут!

¹ Сестрица (фр.)

² Мамаша (фр.)

³ Товарищество по несчастью (фр.)

⁴ Товарищи не по несчастью, а по опасности (фр.).

Я сказала: camarades de danger. И все же – нет. Родина, в иные часы, настолько опаснее чужбины, насколько опаснее возможного несчастного случая – верная смерть. Смерти бежа, – побежали многие беженцы. Camarades de danger, но не физического. Страх оскорбления, а не смерти, нам всем головы втягивает, и вызов невидимому оскорбителю иным из нас головы заносит. Оскорбления, на которое в *иностранцевом*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.